

Л.Ф. Алексеева**Московский государственный областной университет,
141014 г. Мытищи, Московская область, Российская Федерация**

«Крестный путь русской духовной жизни» в понимании Александра Блока: к 100-летию со дня смерти поэта

Аннотация. Цель статьи – актуализировать исследовательский интерес к личности и творческому наследию русского поэта Александра Блока (1880–1921). Герменевтический анализ художественных текстов поэта сопровождается привлечением биографических, философских материалов, в частности, процитированы высказывания В.С. Соловьева, приведены выдержки из книг Э. Ренана «Наука будущего» и Ф. Ницше «Веселая наука», трудов В.И. Иванова, Ю.И. Айхенвальда, Р.В. Иванова-Разумника и др. Краткими штрихами, запечатленными в воспоминаниях А. Белого, Е. Книпович, К. Чуковского, автохарактеристиках поэта, пунктирно прорисован «сжатый» портрет Блока, постигавшего на логическом и интуитивном уровне духовное состояние русской исторической жизни, освещены некоторые значимые истоки его убеждений, рассуждений и откровений. Бегло намечена переключка переживаний ранних и «зрелых» лет, восхождения к небесному идеалу и погружения в темную стихию адового пространства бытия. Особое внимание уделено некоторым реалиям, внутри которых формировались и уточнялись, отчасти трансформировались взгляды и духовные устои, определившие понимание Блоком сущностного смысла истории и мистического пространства вселенной, «крестного пути России» в годы Первой мировой войны, революционных лет, деятельности поэта после крупного «переворота», обстоятельствам преждевременного ухода. Сделан вывод о том, что личность Блока, воплощенные в его поэзии и прозе концепции истории, русского образа жизни, судеб христианства обладают несомненной ценностью и представляют собой единство феномена и ноумена для литературоведов, школьных учителей, учащихся старших классов, студентов учебных заведений разного уровня.

Ключевые слова: Александр Блок, Андрей Белый, Владимир Соловьев, крестный путь, христианство, сохранение русской культуры, гуманизм, цивилизация, символ, поэма «Двенадцать»

ССЫЛКА НА СТАТЬЮ: Алексеева Л.Ф. «Крестный путь русской духовной жизни» в понимании Александра Блока: к 100-летию со дня смерти поэта // Литература в школе. 2021. № 4. С. 24–39. DOI: 10.31862/0130-3414-2021-4-24-39

DOI: 10.31862/0130-3414-2021-4-24-39

L.F. AlekseevaMoscow Region State University,
Mytishi, Moscow Region, 141014, Russian Federation

“The road to Calvary of the Russian Spiritual Life” in Alexander Blok’s understanding: On the centenary of the poet’s death

Abstract. The purpose of the article is to update the research interest in the personality and oeuvre of the Russian poet Alexander Blok (1880–1921). Hermeneutic analysis of the poet’s artistic texts is carried out along with the employment of biographical, philosophical materials, in particular, there are quotations from V.S. Solovyov’s statements, from Ernest Renan’s “Science of the Future” and Friedrich Nietzsche’s “Merry Science”, from works by V.I. Ivanov, Yu.I. Eichenwald, R.V. Ivanov-Razumnik, etc. The brief strokes, imprinted in the memoirs of Andrei Bely, Evgenia Knipovich, Kornei Chukovsky, the poet’s auto-characteristics, dotted the “compressed” portrait of Blok, who, on a logical and intuitive level, comprehended the spiritual state of Russian historical life, illuminated some significant origins of his beliefs, reasoning and revelations. The call to the experiences of the early and “mature” years, the ascent to the heavenly ideal, and immersion in the dark element of the hellish space of existence is planned. Particular attention is paid to some realia, within which the views and spiritual foundations were formed and refined, partly transformed. They determined Blok’s understanding of the essential meaning of the history and mystical space of the universe, “Russia’s road to Calvary” during the First World War, the revolutionary years, the poet’s activities after a major “coup”, the circumstances of his premature decease. It is concluded that the personality of Blok, as well as embodied in his poetry and prose concepts of history, the Russian way of life, the fate of Christianity have an undoubted value and represent the unity of the phenomenon and the noumenon for literary scholars, school teachers, high school students, students of educational institutions of different levels.

Key words: Alexander Blok, Andrei Bely, Vladimir Solovyov, the road to Calvary, Christianity, preservation of the Russian culture, humanism, civilization, symbol, the poem “Twelve”

CITATION: Alekseeva L.F. “The road to Calvary of the Russian Spiritual Life” in Alexander Blok’s understanding: On the centenary of the poet’s death. *Literature at School*. 2021. No. 4. Pp. 24–39. (In Russ.). DOI: 10.31862/0130-3414-2021-4-24-39

1

Заявленная тема – далеко не нова; она была так или иначе затронута в многочисленных размышлениях о поэте его современников, литературных критиков, мемуаристов и философов, исследователей советской и постсоветской поры, но содержит неисчерпаемые источники новых интерпретаций.

Будучи лириком, мыслителем, воспитанным в лоне христианского уклада, Блок предъявлял романтические (безмерные) требования к искусству, воодушевившие несколько поколений русской деятельной молодежи XX в. (что касается XXI в. – здесь больше вопросов, чем поводов для утверждения). Внимание многих исследователей к творчеству Блока и в целом к поэзии Серебряного века не утрачено и в наши дни [2; 6; 8; 9; 15; 16; 24].

Творческий путь Александра Блока на всем его коротком, но грандиозно заряженном протяжении был ориентирован на философскую и организационно-просветительскую программу духовно-творческой деятельности Владимира Соловьева, в частности, на идеи его книг: «Духовные основы жизни», «Чтения о богочеловечестве», «Оправдание добра», «Смысл любви», «Три разговора». Под влиянием философа создавались не только многие страницы «Стихов о Прекрасной Даме», отражавших идеи софийности и всеединства. Сама необыкновенная, многогранно одаренная личность мыслителя увлекала Блока как пример человеческого совершенства, творческой устремленности к преобразению национальной и всеобщей исторической жизни. Двадцатилетний будущий философ В.С. Соловьев

писал своей кузине о надеждах на действительное преобразование человечества: «Я не только надеюсь, но так же уверен, как в своем существовании, что истина, мною сознанная, рано или поздно будет сознана и другими, сознана всеми, и тогда своею внутреннею силою преобразит она весь этот мир лжи, навсегда с корнем уничтожит всю неправду и зло жизни личной и общественной, – грубое невежество народных масс, мерзость нравственного запустения образованных классов, кулачное право между государствами – ту бездну тьмы, грязи и крови, в которой до сих пор бьется человечество; все это исчезнет, как ночной призрак перед восходящим в сознании светом вечной Христовой истины, доселе непонятой и отверженной человечеством, – и во всей своей славе явится царство Божие – царство внутренних духовных отношений, чистой любви и радости – новое небо и новая земля, в которых правда живет» [21, с. 172].

Блоковские произведения многократно переосмысливают, развивают, по-новому конкретизируют и обогащают то, что оказалось для него плодотворным в соловьевских формулах духовного (религиозного, символического) восприятия жизни. Благодаря знакомству с личностью и философскими сочинениями Вл. Соловьева, мир открывался Блоку в своих мистических высотах и глубинах, творчески преобразовывался, входил в душу, становился заново рожденным словом поэта.

Начало творческих опытов молодого Блока сопровождалось радостным приятием созданного Богом мира. Читателю открывается сердце юного поэта, мир которого освещен первозданным солнечным светом

любви. Но уже и в ранней лирике есть предчувствие бед и грядущего духовного преображения в огне катастроф (например, в стихотворении «Гамаюн»).

Вслед за древним философом Платоном, а также в увлечении Вл. Соловьевым, поэтически освоившим платоновскую интерпретацию духовной сущности мироздания, Блок, как и другие символисты, угадывал в земной истории, в конкретных событиях, картинах природы, человеческих поступках и бытовых деталях – воплощение незримых процессов духовного характера. Все лежащее на поверхности, созерцаемое непосредственно – «Только отблеск, только тени / От незримого очами» [21, с. 75]. По Соловьеву, трагическая, даже катастрофическая основа бытия проникает в отдельную человеческую жизнь и предопределяет состояние вселенной. Обе «стихии» находятся в органическом взаимопроникновении, стержнем которого является «смысл любви», что интуитивно выражает лирика Соловьева, – не только его философские сочинения. Силу бессмертного бытия заключают в себе горячие, «пламенные муки» любовной страсти: «В бездну мрака огневую / Льет струю свою живую / Вечная любовь» [Там же, с. 74]. Вместе с тем поэт-философ и мрачную, демоническую сторону бытия не упускал из виду, и эту всеохватность осмысления вселенской структуры наследовал Блок с той же последовательностью, как и верность пути к постижению смысла любви.

2

Значительную роль в осмыслении Блоком судьбы России сыграли его взаимоотношения с Андреем Белым,

диалог с которым способствовал пристальной концентрации сознания на вопросах «крестного пути русской духовной жизни». Литературная, творческая, мистическая и общественная деятельность Блока и Белого разворачивалась параллельно. Она совпала со взлетом духовных постижений и одновременно трагическим крушением целого уклада, и это поставило их обоих, хотя и не только их, в центр разлома. Они переживали его как поэты и мыслители, которым открывались бездны тьмы и ускользящие, но желанные источники света.

Андрею Белому принадлежат и наиболее выразительные и подробные воспоминания о Блоке. Описывая бытовые ситуации во время посещения Шахматова, отдых, непритязательные беседы, которые не касались глубокого восприятия жизни, ее трагизма, Белый включил в поток воспоминаний такой эпизод: «Раз, слушая, он [Блок] наклонил низко голову; но и наклон головы и поставленный нос выражали растерянно недоумение: “хн” или “ха”, – смесь иронии, что все – игра, с беспредметным испугом слепца, раскоряченного на кресле, на кочке болотной, и перебирающего не маховую кисть, а бандуру с расстроенным строем; вдруг встал, взяв за локоть, увел на террасу; спустились с ним в сад, упдающий круто в лесняк, стали в поле среди трав; с закривившимся ртом разгрызал переломанный злак; выговаривал медленно мысли, подчеркивал, что они – не каприз; нет, – он знает себя, мы его принимаем за светлого; это – неправда: он – темный» [4, с. 362]. Это признание характеризуется описанием звуковой стороны, так сказать, аранжировки (недаром Белый был

тесно окружен музыкой: мама играла, сам импровизировал, дружил с музыкантами): «Голос – поддох: носовой, чуть туманный, надтреснутый; как колуном колот слово свое, как лучину, прося у меня безотчетно прощения взглядом невидящих и голубых своих глаз: – “Темный я!”» [4, с. 362]. Здесь уже молодым Блоком заявлена проблема острого и мучительного осознания зла, проникающего и в собственную душу, что позднее нашло воплощение в многочисленных стихотворениях, драмах и поэмах.

Описывая события зимы 1905/1906 гг., Андрей Белый запечатлел пешеходную прогулку вместе с Блоком по Петроградской стороне, от Гренадерских казарм, где поэт с женой тогда жили: «Ведет от казармы кривым переулком, наполненным людом, бредущим от фабрик; мелькали измученные проститутки; мигали харчевни; <...> Стройный, с лицом розовеющим, в шубе и шапке мехастой, он щурясь оглядывал отблески стекла, рабочих с кулями, ворон; этот взгляд был летучим, не пристальным, видящим целое <...>. // Вот он меня остановит; и взглядом своим переулком возьмет: – “Захудалая жизнь: очень грустно...”» [Там же, с. 482].

Убеждения и принципы Блока вынашивались также в диалоге с Вячеславом Ивановым, многие положения которого отзываются в «прозе» и поэзии младшего современника-символиста. Характеризуя «родовое наследье» символизма, «Сирин учебного варварства», в частности, указывал, что оно проявляется «в намечающемся самоопределении поэта не как художника только, но и как личности – носителя внутреннего слова, органа мировой души, озаменователя сокровенной связи сущего,

тайновидца и тайнотворца жизни» [11, с. 185].

В связи с осмыслением поэтического наследия Блока Ю.И. Айхенвальд выдвигал понятие «прирожденная лиричность души», первоначальной лиричности, «вечного лиризма» и считал возможным «принять за мерило достоинства поэта степень совпадения его с лирической категорией духа» [1, с. 468]. Переживая весть о кончине поэта, Айхенвальд обратил внимание на светлые и темные художественные миры в блоковском наследии, сделал заключение, что Блок оправдывает «Россию и свою любовь к ней» «самой поэзией своей. Она – лишний довод в защиту русского духа, новый аргумент в пользу нашей несчастной родины» [Там же, с. 476].

К.И. Чуковский осмысливал творчество Блока в послереволюционной обстановке, агрессивно настроенной против самого понятия «душа», но не мог с этим примириться: «Знаю, что теперь непристойно это старомодное, провинциальное слово, что, по нынешним литературным канонам, критик должен говорить о течениях, направлениях, школах либо о композиции, фонетике, стилистике, эйдолологии, – о чем угодно, но не о душе, но что же делать, если и в композиции, и в фонетике, и в стилистике Блока – душа!.. Эта душа ускользнет от всех скопцов-классификаторов и откроется только – душе...» (курсив наш. – Л.А.) [25, с. 78–79].

3

Блоковские образы ангелов, звезд, комет, многочисленных зорь, небесного простора, ветра, ночных реалий городских улиц и площадей, мостов и храмов наполняют художественное пространство лирики Блока,

отражающей антиномичное противостояние живого, одухотворенного истинным светом Творца, и ложного, обольстительно заманивающего в губительную темь смерти.

Кратко остановимся на конкретном стихотворении, открывающем цикл «Арфы и скрипки». Вот его начало: «Свирель запела на мосту, / И яблони в цвету. / И ангел поднял в высоту / Звезду зеленую одну...» [5, т. 3, с. 158]. Здесь нет намека на Рождество, поскольку упоминается о «яблонях в цвету». Однако объединение темы звезд и пастуха все же включает поэтический текст в сложное смысловое поле, постоянно присутствующее и многократно переосмысленное в художественном мире Блока. Картина, нарисованная поэтом, – своеобразное «воспоминание» о рождении Христа, о чем «сообщила» пастухам появившаяся на небе новая звезда. Этот прекрасный мир изначально антиномичен, образ небесного светила соотнесен с контрастно противостоящим ему символом: помимо звезды высокой, излучающей истинный небесный свет, присутствует еще звезда, отраженная в воде (падшая), призывающая ринуться с моста в глубину, откуда она манит своей искусительной прелестью: «Оставь заботы навсегда...» [Там же]. Стихотворение подготавливает развитие цельного лирического сюжета, заостряющего противостояние темного одиночества замкнутой в себе индивидуальности, в других стихах цикла эмблематически обозначенной предметным образом «визгливого» смычка скрипки, с одной стороны, и – всеобщей слаженности «мирового оркестра», гармонически устроенного, божественно нераздельного потока «музыки».

В преддверии Первой мировой войны Блок создал небольшой цикл стихотворений «О чем поет ветер», лейтмотивом которого является тревожное чувство духовного и интеллектуально-нравственного тупика, составляющего нерв переживаний лирического героя: «Возврата нет страстям и думам» [5, т. 3, с. 284]. Блок обозначил датировку цикла в качестве подзаголовка: 1913. Стихи опубликованы в 1915 г., с посвящением жене, что подчеркивает личный, интимный характер главных мотивов, выстраивающихся в калейдоскоп воспоминаний о юности и скорбных ощущений приближающейся смерти. Неразрывность личного и общего подчеркнута усиливалась еще и тем, что во время опубликования стихов Л.Д. Блок служила в фронтовом госпитале сестрой милосердия. Однако фоном лирических ретроспективных сюжетов и намеков на обстоятельства юности и «зрелых» лет является широкое космическое и духовное пространство: «Мы забыты, одни на земле...» [Там же, с. 282]. На черновике текста с соловьевским обозначением адресата – «Милый друг, и в этом тихом доме...» – Блок записал: «Это написано больше, чем за год до войны» [Там же, с. 602]. Окончательная дата создания многих стихотворений субцикла – 26 августа 1914 г., т.е. самим поэтом лирические стихи осмыслены как предвестье, предчувствие событий, чреватых мировой катастрофой.

В финальную часть цикла «Родина» включено стихотворение, как будто продолжающее мотивы «ветрового» цикла. Достаточно привести хотя бы такие строчки: «Только ветер, гость нахальный, / Потрясает ворота» [Там же, с. 279]. Здесь есть намеки будущего любовного сюжета

«Двенадцати»: «...Как мне гостя отогнать? / Как мне милую – чужому, / Проклятому не отдать?» [5, т. 3, с. 279]. Сюжет любовного треугольника персонажей «Двенадцати», мотив «борьбы» за возлюбленную уже оформился. В поэме любовная история объективируется, эпически отстраняется, попутно символизируется, приобретающая плакатную заостренность, очертания действия, характерного для народных мистерий, балаганного театра.

И еще один сгущенный лирический образ в ветровом цикле, почти что эпиграф к будущей поэме «Двенадцать»: «Ночь полна шагов и хруста» [Там же]. Почти каждого из персонажей поэмы из дома что-то выгоняет на улицу, в зимнюю ночь, во власть ветра, и все они так или иначе тоскуют, поскольку через них проходит гигантский разрыв между временами и мирами – опостылевшим старым и – неизвестным, хотя неодолимо привлекательным – грядущим, устремленным, как прежде, в 1908 г., «в бездонную пропасть, в какую-то синюю вечность» [5, т. 3, с. 167].

Насколько автор революционно-контрреволюционной поэмы остался верен идеям, вдохновлявшим его с юности, мы почувствуем, прочитав во введении к книге В.С. Соловьева «Философские начала цельного знания» слова о приоритете духовного начала в истории, в которых угадывается внутренний стержень будущих «Двенадцати»: «Достоинство частных и ближайших целей человеческой жизни может определяться только их отношением к той общей и последней цели, для которой они служат средствами» [22, с. 69]. У блоковских красногвардейцев цель эта – «впереди»...

«Двенадцать» продолжает все ведущие мотивы блоковской лири-

ки, развертывающиеся в циклах «Распутья», «Город», «Снежная маска», «Возмездие», «Страшный мир», «Родина», «Арфы и скрипки». Текст поэмы является загадочным и постоянно ускользает от социологического, эстетического, исторического, биографического, а также и герменевтического толкования. При точности изображения персонажей, примет революционной эпохи, как будто бы прозрачных указаниях на аналогии с началом христианства, за плакатной выразительностью письма в ней для исследователей, школьных учителей и читателей разных возрастов всегда скрываются не расшифрованные до конца смыслы. Безусловно, текст являет собой яркий пример творчества символиста. Об этом, по существу, писали, с привлечением ярких исторических иллюстративных материалов, в монографиях о поэме «Двенадцать» В.Н. Орлов и О.П. Смола [18; 20]. Но и для читателей весьма незрелого возраста, и для литературно и религиозно образованных специалистов поэма остается непостижимой загадкой.

Поэма «Двенадцать» была воспринята частью политизированных интерпретаторов как художественная картина современности, главным образом, как оправдание революции и ее вершителей. Ее пророческие смыслы открылись при жизни поэта разве что ему самому, но и теперь постигаются немногими. До сих пор толкования поэмы, ее связей со всем поэтическим миром лирики поэта остаются чаще всего односторонними, обусловленными желанием подчеркнуть чисто эстетические достоинства произведения, выявить символику отдельных образов. Разумеется, и данная статья

не может претендовать на всестороннее понимание всех многогранных смыслов и оттенков звучания. Термин С.Т. Ваймана «мерцающие смыслы» [7] применительно к восприятию литературного произведения имеет особую значимость для герменевтики блоковского произведения. В поэме многие мотивы лирики включены в «зимний» контекст, драматизируются, наполняются волевой энергией: «Революционный держите шаг». Но главный мотив тревожной беспомощности человека заявлен уже в лирике вполне выразительно: «Как не бросить все на свете, / Не отчаяться во всем...» [1, т. 3, с. 279]. Ветер, от которого «на ногах не стоит человек», уже пронизывает все существо поколения, пережившего «страшные» годы, ведущие к печальному финалу: «В сердцах, восторженных когда-то / Есть роковая пустота» [Там же, с. 278].

Вслед за Достоевским Блок открывал перед читателем, как сложна душа человека, как доступна проникновению в нее греховного начала, как терзают «нового» человека «старые» грехи: прелюбодеяния, ненависть к ближнему, зависть, убийства, безверия, грабежи, глумления над святостью, красотой и самим Богом. Холодно и горько изверившимся во всем людям, вышедшим на вьюжные городские улицы искать «новую правду» на ледяных ветрах, продувающих весь Божий свет. Пристальное зрение автора в поэме «Двенадцать» выбирает явления и человеческие фигуры и помещает их в фокус пересечения современной истории и онтологической безмерности. Причем онтологическое поле скрыто в нечаянных и будто утративших значение словах. Реплики, возгласы, «речи» персонажей, в том числе соглядатая из толпы,

открывают как будто выветрившийся и возрождающийся на глазах заново первоначальный смысл, за которым скрыто религиозное содержание явлений. Смыслы стерлись, а то и утратились напластованиями исторических эпох, но в тайниках сознания живут и готовы вспыхнуть.

Многое здесь построено на иронии по отношению к тем, кто сходит с авансены истории. Однако насмешкой над прошлым не исчерпывается мировоззрение «новых людей». Ирония «соглядатая», который наблюдает и запечатлевает детали ночного шествия, прерванного убийством, сложно сочетается с эмоциональными состояниями иного свойства, тревогой, страхом, ибо страшный мир сопровождает шествие. Свет – Божий, а люди уходят от Света во тьму, и идут по обледелому городу, удивляясь: «Эка тьма!»

Число красногвардейцев совпадает с количеством апостолов Христа, свидетелей Его Воскресения, хотя именно столько хранителей нового порядка входило в патрульные отряды красной гвардии после октября 1917 г. Это «нечаянное» совпадение для Блока далеко не случайно: оно рождает прочитываемую почти что всеми без исключения читателями художественную параллель с простодушными спутниками Христа, что окончательно открывается в финальной строфе, где обозначена «надвьюжная» перспектива. Трагическая сущность прозрений поэта была осознана чуткими литературоведами в конце XX в. Процитируем финал монографии О.П. Смолы: «Поэма “Двенадцать” – вершина творчества Александра Блока. В ней поэт набрал ту высоту, с которой немудрено сорваться и разбиться вдребезги» [20, с. 264].

4

После создания поэмы, в 1920 г., Блок написал статью «Владимир Соловьев и наши дни», посвященную 20-й годовщине со дня смерти философа, поэта и пророка. Уже на уровне публицистических обобщений развернута здесь параллель между эпохой начала христианской эры и революционными годами. Обратив взор к первому веку, начинающему новое летоисчисление, Блок обнаруживал в нем нечто родственное тому, что наблюдал он сам спустя почти девятнадцать столетий: «Старая половина таяла, умирала и погружалась в тень, новая вступала в историю с варварской дикостью, с гениальной яростью» [5, т. 6, с. 156]. В этой стремительности перемен предчувствовался Блоком огромный заряд воздействий на уходящее стабильное существование: «Предстоят события, ставящие крест на жизнях и мирозерцаниях дальновиднейших людей» [Там же]. Владимир Соловьев по-прежнему близок поэту в революционные годы, поскольку удивительно родственно чувствовал неотвратимость «этого, несмотря ни на что идущего на нас нового мира» [Там же]. Сами наблюдаемые и переживаемые Блоком события подтверждали обоснованность размышлений и пророческой интуиции Соловьева.

Ф. Ницше, обнаружив и провозгласив, что «Бог умер», заключил: «...лишь немногие понимают смысл и значение этой вести, – какие неизбежные разрушения воследуют после того, как будет погребена вера, ибо рухнет все то, что зиждилось на ней, зависело от нее, вошло в нее плотью и кровью <...> Нам предстоит испить всю чашу до конца, когда потянутся нестройной чере-

дой крушения, разломы, катастрофы и обвалы; но кто уже сегодня способен угадать всю полноту грядущих потрясений, чтобы отважиться взять на себя роль учителя и провозвестника этой чудовищной логики ужаса, пророка надвигающегося мрака, когда наступит солнечное затмение, равного которому еще не видывала земля?..» [17, с. 263]. Для тех, кто имеет репутацию «первенцы грядущего века», это затмение воспринимается, «наоборот, как некий новый, не поддающийся описанию свет, как счастье, облегчение, просветление, утренняя заря...» [Там же, с. 264].

Возможно, на Соловьева (может быть, и на Блока) повлияли также рассуждения Э. Ренана, книга которого «Будущее науки» была издана в переводе на русский язык в 1904 г., когда Блок готовил к изданию «Стихи о Прекрасной Даме». В этом сочинении, созданном до рождения Соловьева, в 1848 г., высказывались родственные ему, а затем и Блоку мысли о цели «науки», как она заявляет о себе на протяжении вселенской истории: «Образец совершенства дан нам самим человечеством; наиболее совершенна такая жизнь, которая лучше всего представляет все человечество. Но образованное человечество не только нравственно, оно также учено, обладает большим любопытством, поэтическим талантом и страстностью» [19, с. 22].

Мы найдем у Ренана определение перспективы, отзывающееся у Блока его мечтой о человеке-артисте: «...при более высокой степени умственной культуры может случиться, что чувство, дающее жизнь произведению художника или поэта, проницательность философа или ученого и нравственное чувство великого

характера, соединяются в одно и создают душу чуткую на все истинное, прекрасное и благое. Это был бы нравственный тип совершенного человечества, идеал, не осуществляющийся ни в ком из людей и представляющий для будущего все его содержание» [19, с. 23]. Хотя Ренан имеет заслуженную репутацию позитивиста, но для него научное проникновение индивидуума в жизнь вселенной обрело отнюдь не позитивистскую формулу: «знать это значит познавать Бога» [Там же, с. 25]. В науке и искусстве мыслитель выделял два элемента: «с одной стороны, практические приемы и сноровка, необходимые для открытия истины или осуществления добра; с другой стороны – дух, все создающий и оживляющий, душа, оживляющая произведение искусства» [Там же, с. 22]. Близость социальных воззрений Блока, выраженных им в статье «Интеллигенция и революция», воззрениям Э. Ренана вполне очевидна.

В поэме Блока люди в эпоху революционных потрясений такие же грешники, какими были современники Христа во время его первого пришествия в мир. Но и красногвардейцам, ищущим новых путей, отвергнувшим вместе с погрязшим в грехе миром все прежнее, в том числе отказавшимся от веры в Бога, предстоит нечто предопределенное. Суровая правда о кровавых днях свободы и неясность перспективы исторического движения корректируются образом невидимого его героям, но грядущего впереди них «с кровавым флагом» Христа. Сын бессмертного Создателя Жизни, Бога Живаго – «впереди» этого исторического шествия, несмотря на их погружение в стихию безумных преступлений и страданий. Не в том

дело, что Господь по их *молитве* благословляет их на «мировой пожар в крови», но исторический путь – державный – строителей нового общественного устройства, с их искренностью и истовым взысканием правды, несмотря на провалы в «сугробы пуховые», по убеждению и предвидению автора, имеет священную перспективу. Христос на пути их жертвенного шествия – «впереди». Красный цвет флага напоминает не только о жертвенности (не бояться «буйну голову сложить»), но и о воскресении, литургической перспективе.

В статье «Интеллигенция и революция», нередко толковавшейся как свидетельство того, что Блок «принял революцию» и, как вариант, «продался большевикам», речь идет об ответственности интеллигенции за состояние дел в стране. «Чем дольше будет гордиться и ехидствовать интеллигенция, тем страшнее и кровавее может стать кругом» [5, т. 6, с. 19]. Глубокие причины трагических потрясений имеют душевно-духовную подоплеку: «Душа кровь притягивает. Бороться с ужасами может лишь дух» [Там же]. Отнюдь не идеализируя простонародье, Блок был убежден, что призвание интеллигенции – просвещать заблудших, но видел, что от исполнения этого долга его собратья высокомерно отворачиваются. Поэт верил, что в народе «спят творческие силы; они могут в будущем сказать такие слова, каких давно не говорила наша усталая, несвежая и книжная литература» [Там же].

По замечанию Р.В. Иванова-Разумника, «“Двенадцать”, несмотря на весь свой черный фон, на грязь, на кровь, на злодеяния, захватывает тему мировой революции в сфере настолько высокой, что она недоступна для исторических интересов сегодняшнего

дня» [12, с. 14]. Для автора поэмы характерно особенное доверие к читателю, призванному самостоятельно погрузиться в изображаемое пространство и ощутить атмосферу исторического и духовного кризиса, в перспективе ведущего к реализации промысла Бога о судьбе России и всего человечества. Символическое предчувствие опасностей запечатлено в поэме с помощью образа пса. Иванов-Разумник верно истолковал то, что для нас очевидно стало в связи с тем, что нам известно из ретроспективного обозрения истории: «Это только для немногих ослепленных глашатаев новой благой вести может казаться, что старый мир уже побежден <...> Нет, поэт хорошо видит, что злобно “скалит зубы волк голодный”, что от него штыком не отмахнешься, что он, ковыляя позади, ждет только минуты, когда можно будет наброситься и растерзать носителей нового мира» [Там же].

Сложность духовного состояния мира передает отмеченное исследователями «многоголосие», присущее романам Достоевского, когда автор при всем сочувствии к персонажам, угадывая в каждом начала добра, тем не менее, показывает, что за ними и в них проявляются духовные реалии, объективно присущие современности, не подвластные воле автора. Обладая свойством «внеаходимости» (термин М.М. Бахтина), автор поэмы «Двенадцать», тем не менее, всю гамму настроений эпохи вобрал в свое сердце, он «отзвук целого оркестра, т.е. – отзвук души народной» [5, т. 5, с. 371], потому что пережил – с удивительной искренностью и русской беспощадностью к себе – заблуждения и откровения, кровно касающиеся и его самого, и каждого человека на всей земле.

Для Блока спустя два года революция продолжала оставаться в центре его мировосприятия: «...кроме слова *искусство*, у нас в сознании присутствует, конечно, слово *революция*. Хотим мы этого или не хотим, уйти от этого слова некуда, потому что в России два года назад окончилась революция. Каждый день истекшего двухлетия – для всех нас есть день изживания последствий этой окончившейся революции, каждая бытовая мелочь говорит о ней же, каждый изживал эти дни по-своему: активно, пассивно, сочувственно, с ненавистью, тупо, весело, клонясь к смерти, наполняясь волею к жизни, – каждый по-своему, но все равно – с чувством ее неотступного присутствия» [Там же, т. 6, с. 485]. Вскоре вместо слова «революция» Блок начал употреблять слово «переворот», в том числе и в театральной деятельности, в организации государственных театров – «*переворот*».

В конце 1919 г. Блок составлял список произведений русских авторов XVIII и XIX вв. для издательства З.И. Гржебина и написал предисловие к этому списку. Размышляя о том, что нужно сохранить из русской литературы «только что окончившегося “императорского” периода» [Там же, с. 136], поэт обращается к Евангельскому тексту, повествующему о сестрах Лазаря, и объявляет, что избирает «путь Марфы», поскольку он продиктован «исторической минутой», а путь, пройденный предками, вспоминается особенно ярко – оттого, что это «воспоминание» – «предсмертное» [Там же]. Поэт испытывает огромное чувство ответственности перед отдаленным будущим, для которого нужно

сохранить культуру: «Все наше прошлое представляется на суд поколениям, следующим за нами людям, очень отличающимся от нас, потому что переворота большего, чем переживаем мы, русская история не знала по крайней мере двести лет (с Петра), а то и триста лет (Смутное время)» [5, т. 6, с. 136].

С особенным мужеством поэт осознал, что не все из того, что ценилось прежде, уцелеет, будет востребовано в будущем, но взор его устремлен в те времена, когда наследие будет извлечено из «исторического архива»: «...мы надеемся, что мы – люди не только сегодняшнего дня. Именно потому мы считаем, что не имеем права суетиться в дыму пожара, который нас окружает, среди черных груд шлака людского, которым засыпана земля» [Там же]. Охваченная дымом пожаров и мертвыми телами земля – свидетельство катастрофы, к которой привела Европу и Россию цивилизация. Но то, что добыто кровью, – незабвенно, сохраняет свою жизнеспособность: «...мы находимся в здравом уме и твердой памяти, и весь крестный путь русской духовной жизни проходит сквозь наше сердце, горит в нашей крови» [5, т. 6, с. 137].

В марте 1920 г. в заметке по поводу постановки пьесы «Царевич Алексей», созданной на основе романа Д.С. Мережковского «Петр и Алексей», Блок писал о проклятии, «которое несет на себе всякий художник», поскольку «искусство слишком много отнимает у него в жизни» [Там же, с. 393]. В России трагедия художника усугубляется тем, что от него требуют: «Будь пророком, будь общественным деятелем, будь педагогом, будь чиновником, – не смей быть только художником!» [Там же, с. 324].

Блок – с горечью и ироническим вздохом – связывал эту непомерную требовательность с особенностями менталитета: «Сам Мережковский и все мы, люди нескольких смежных поколений, захваченные и перемалываемые всю жизнь нашу гигантским жерновом гигантской эпохи (что будет? “перемелется – мука будет”? Или – только мокрое место останется?), – об этом знали; и – будучи людьми не только в России живущими, но и русскими – сами не довольствовались тем, чтобы быть “только художниками” (как будто этого мало!). Всех нас временами бросало в публицистический и политический жар и бред. Что делать – мы русские...» [Там же, с. 394]. Чувство ответственности за духовное состояние не только России, но и всей планеты – вот что почувствовал Блок за этой многогранной деятельностью, в гуще которой он и сам пребывал, преодолевая усталость, а временами и измождение, «клонясь к смерти».

В статье, озаглавленной пушкинской цитатой «Без божества, без вдохновенья», он писал о цельности потока поэзии и прозы, «который нес на своих волнах, очень беспокойных, но очень мощных, драгоценную ношу русской культуры» [Там же, с. 175]. Раздробленность, специализация грозят тем, что, разбиваясь на ручейки, поток «может потерять силу и не донести драгоценной ноши, бросив ее на разграбление хищникам, которых у нас всегда было и есть довольно» [Там же]. Это звучит вполне злободневно, поскольку и мы наблюдаем неостановимый процесс превращения культуры в одряхлевшую цивилизацию. В неотделимости друг от друга философии, религии, общест-венности, политики Блок видел

«признаки силы и юности», тогда как «обратное – признаки усталости и одряхления» [5, т. 6, с. 176].

Е.Ф. Книпович, находившаяся в кругу близких знакомых Блока в 1918–1921 гг., заметила, предполагая, что ее мнение содержит «критику» с учетом исторической дистанции: «...острейшее предчувствие “тектонических” сдвигов в судьбах человечества порой получало в его толковании христианско-эсхатологическую окраску» [14, с. 4]. Действительно, имя Евгении Федоровны часто встречается в записях Блока этих лет, что дает основание считать достоверными ее свидетельства: «Аккуратный до педантизма, рыцарски вежливый, органически неспособный не выполнить даже самого незначительного обещания, бесконечно внимательный к нуждам близких и очень далеких, Блок в трудные послеоктябрьские годы мог поистине служить образцом подлинной человечности. Он с огромным уважением относился ко всем видам и формам труда. Он говаривал, что “работа везде одна – что печку сложить, что стихи написать”. Ладный, высокий, неутомимый ходок, он спокойно и естественно – без интеллигентского кокетства – орудовал молотком и пилой, топором и лопатой. <...> Блока раздражала отвлеченность, физическая неприспособленность интеллигентов, возводимая к тому же в ранг добродетели» [Там же, с. 6].

Будучи всего лишь сорокалетним, Блок, однако, к весне 1921 г. утратил спортивную форму. Только ли дело было в плохом питании и таскании дров, нервном перенапряжении? Такие вопросы неоднократно возникали.

6 февраля 1921 г. Блок записал в дневнике: «Следующий сборник стихов, если будет: “Черный день”» [5, т. 7, с. 403]. Это словосочетание присутствует в знаменитом стихотворении «Пушкинскому дому», датированном 11 февраля 1921 г.: «Как мы черный день встречали / Белой ночью огневой...» [Там же, т. 3, с. 376].

Помимо напряженной работы для театра и издательства «Всемирная литература», в последние годы и месяцы жизни Блок занимался бесчисленными проблемами «нового быта», заботясь о выживании членов своей семьи и людей, которым мог помочь. Достаточно сделать выписки нескольких коротких строчек из записных книжек.

1919 год. 25 октября: «Пилю мебель. Ночью – перестановка мебели» [Там же, т. 9, с. 479]; *17 ноября:* «До каких пределов дойдет отчаянье? – Сломан на дрова шкапик – детство мое и мамино» [Там же, с. 480]; *31 декабря:* «Символический поступок: в советский Новый год я сломал конторку Менделеева» [Там же, с. 484]. *1920 год. 23 января:* «Похоронные хлопоты» [Там же, с. 486]; *28 февраля:* «Усталость гнетет» [Там же, с. 488]; *25 июля:* «Выгрузил с барки ½ куба дров в три часа» [Там же, с. 497]; *26 августа:* «Весь день уборка дров в подвал» [Там же, с. 500]; *18 сентября:* «Усталые нервы» [Там же, с. 502]; *29 октября:* «Продолжается нервное состояние. Работать мучительно. Дрова, печки» [Там же, с. 505].

Во время весенней поездки в Москву обнаружилась слабость. По предположению врачей и мемуаристов, это следствие переутомления и недоедания. К.И. Чуковский, сопровождавший Блока во время его последней поездки в Москву, в мае 1921 г., записал,

неожиданно заметив страшную перемену: «Передо мною сидел не Блок, а какой-то другой человек, совсем другой, даже отдаленно не похожий на Блока. Жесткий, обглоданный, с пустыми глазами, как будто паутиной покрытый. Даже волосы, даже уши стали другие. И главное: он был явно отрезан от всех, слеп и глух ко всему человеческому» [25, с. 43].

Обстоятельства преждевременной кончины Блока, при наличии многочисленных документов и свидетельств, остаются мало проясненными.

По мнению Блока, творческая полоса революции сменилась победой того, что он определял как цивилизацию. Несмотря на то, что поэт написал «Интеллигенцию и революцию», уверял в анкете, что интеллигенция «может и должна сотрудничать

с большевиками», многое в позиции Блока – его аналогия современности с началом христианской эры, осмысление внеисторического смысла происходящих в России перемен, любовь к России, «Скифы», авторитет поэта и мыслителя, духовное превосходство над цивилизованным мещанством – все это явно не устраивало Кремль и завершилось для 40-летнего поэта скорбно-трагическим финалом.

Личность Блока, его земной путь, концепции русской и западноевропейской культуры и цивилизации, русского образа жизни, судеб христианства обладают несомненной ценностью и представляют собой единство феномена и ноумена для культурологов, философов, литературоведов, школьных учителей, студентов учебных заведений разного уровня.

Библиографический список

1. Айхенвальд Ю.И. Силуэты русских писателей. М., 1994.
2. Александров А.С., Александрова Э.К. «Поэзия имеет право быть иногда неясной...» (А.А. Блок в рецепции А.А. Измайлова) // Сибирский филологический журнал. 2020. № 1. С. 122–134.
3. Белый А. Собрание сочинений. Котик Летаев. Крещеный китаец. Записки чудака. М., 1997.
4. Белый А. Начало века. М., 1990.
5. Блок А.А. Собрание сочинений: В 8 т. М.; Л., 1960–1963.
6. Бутова С.Н. «И увидел я новое небо и новую землю...»: опыт откровения в литературе первых лет Октября // Русская революция 1917 года в литературных источниках и документах. М., 2017. С. 41–47.
7. Вайман С.Т. Мерцающие смыслы. М., 1999.
8. Жукова А.А. А.А. Блок и Н.С. Гумилев: религиозно-философские основы творчества (женский Идеал и его интерпретации): автореф. дис. ... канд. филол. наук. М., 2018.
9. Жукова А.А. Смерть как утрата Идеала в позднем творчестве А.А. Блока // День литературы (Москва). 2017. № 5.
10. Иванов Вяч. И. Родное и вселенское. М., 1994.
11. Иванов-Разумник Р.В. Испытание в грозе и буре // Блок А.А. Двенадцать. Скифы. СПб., 1918. С. 3–30.
12. Книпович Е.Ф. Об Александре Блоке. Воспоминания. Дневники. Комментарии. М., 1987.
13. Кучин В.П. Раннее творчество А.А. Блока в восприятии Рюрика Ивнева // Словесное искусство Серебряного века и Русского зарубежья в контексте эпохи («IV Смирновские чтения»): материалы IV Международной научной конференции (Москва, МГОУ, 6–8 февраля 2020 г.) / отв. ред. В.Н. Климчукова; сост. Л.Ф. Алексева, С.В. Крылова. М., 2021. С. 122–130.

14. *Ничипоров И.Б.* Современность и революция в публицистике А. Блока // Ученые записки Орловского государственного университета. 2017. № 2 (75). С. 145–147.
15. *Ницше Ф.* Веселая наука (*La Gaya Scienza*) / пер. с нем. СПб., 2010.
16. *Орлов В.Н.* Поэма Александра Блока «Двенадцать». М., 1967.
17. *Ренан Э.* Будущее науки / пер. с фр. под ред. и с предисл. В.Н. Михайлова; вступ. ст. Н. Симича. 3-е изд. М., 2009.
18. *Смола О.П.* «Черный вечер, белый снег»: Творческая история и судьба поэмы Александра Блока «Двенадцать». М., 1993.
19. *Соловьев В.С.* «Неподвижно лишь солнце любви...»: Стихотворения. Проза. Письма. Воспоминания современников. М., 1990.
20. *Соловьев В.С.* Избранные произведения. Ростов-н/Д., 1998.
21. *Тименчик Р.Д.* Что вдруг. Статьи о русской литературе прошлого века. М.; Иерусалим, 2017.
22. *Чуковский К.И.* Блок как человек и поэт. Введение в поэзию Блока. Пр., 1924. URL: <http://blok.lit-info.ru/blok/vosp/sovremenniki-2/chukovskij-aleksandr-blok.htm> (дата обращения: 11.04.2021).

References

1. Aykhenvald Yu.I. Siluety russkikh pisatelej [Silhouettes of Russian writers]. Moscow, 1994. (In Russ.)
2. Aleksandrov A.S., Aleksandrova E.K. “Poetry has a right to be unclear sometimes...” (A.A. Blok in the reception of A.A. Izmailov). *Siberian Journal of Philology*. 2020. No. 1. Pp. 122–134. (In Russ.)
3. Bely A. Sbranie sochinenij. Kotik Letaev. Kreshchenyj kitaec. Zapiski chudaka [Collected works. Kitty Letaev. Baptized Chinese. Eccentric notes]. Moscow, 1997. (In Russ.)
4. Bely A. Nachalo veka [Beginning of the century]. Moscow, 1990. (In Russ.)
5. Blok A.A. Sbranie sochinenij. V 8 t. [Collected works in 8 vols.]. Moscow; Leningrad, 1960–1963. (In Russ.)
6. Burova S.N. “And I saw a new heaven and a new earth...”: The experience of revelation in the literature of the first years of October. *Russkaya revolyuciya 1917 goda v literaturnyh istochnikah i dokumentah*. Moscow, 2017. Pp. 41–47. (In Russ.)
7. Vayman S.T. Mercayushchie smysly [Shimmering meanings]. Moscow, 1999. (In Russ.)
8. Zhukova A.A. A.A. Blok and N.S. Gumilev: religious and philosophical foundations of creativity (female Ideal and its interpretations). PhD thesis. Moscow, 2018. (In Russ.)
9. Zhukova A.A. Death as the loss of the Ideal in the late work by A.A. Blok. *Den literatury (Moskva)*. 2017. No. 5. (In Russ.)
10. Ivanov Vyach. I. Rodnoe i vselenskoe [Native and universal]. Moscow, 1994. (In Russ.)
11. Ivanov-Razumnik R.V. Trial in thunder and storm. *Blok A.A. Dvenadcat. Skify*. St. Petersburg, 1918. Pp. 3–30. (In Russ.)
12. Knipovich E.F. Ob Aleksandre Bloke. Vospominaniya. Dnevnik. Kommentarii [About Alexander Blok. Memories. Diaries. Comments]. Moscow, 1987. (In Russ.)
13. Kuchin V.P. The early works of A.A. Blok in the perception of Rurik Ivnev. *Slovesnoe iskusstvo Serebryanogo veka i Russkogo zarubezh'ya v kontekste epohi («IV Smirnovskie chteniya»)*. *Materialy IV Mezhdunarodnoj nauchnoj konferencii (Moskva, MGOU, 6–8 fevralya 2020 g.)*. V.N. Klimchukova (ed.); L.F. Alekseeva, S.V. Krylova (compilers). Moscow, 2021. Pp. 122–130. (In Russ.)
14. Nichiporov I.B. Modernity and revolution in A. Bloks journalism. *Uchenye zapiski Oryol State University*. 2017. No. 2 (75). Pp. 145–147. (In Russ.)
15. Nietzsche F. Veselaya nauka (“La gaya Scienza”) [Fun science (“La Gaya Scienza”)]. Transl. in Russ. St. Petersburg, 2010.
16. Orlov V.N. Poema Aleksandra Bloka «Dvenadcat» [Poem by Alexander Blok “Twelve”]. Moscow, 1967. (In Russ.)
17. Renan E. Budushchee nauki [Future of the science]. V.N. Mikhailov (transl. in Russ.); N. Simich (french ed. and with a preface). 3 ed. Moscow, 2009.

18. Smola O.P. «Chernyj vecher, belyj sneg»: Tvorcheskaya istoriya i sudba poemy Aleksandra Bloka «Dvenadcat» [“Black wind, white snow”: Creative history and fate of the poem by Alexander Blok “Twelve”]. Moscow, 1993. (In Russ.)
19. Solovyev V.S. «Nepodvizhno lish solnce lyubvi...»: Stihotvoreniya. Proza. Pisma. Vospominaniya sovremennikov [“Only the sun of love is immovable ...”: Poems. Prose. Letters. Memories of contemporaries.]. Moscow, 1990. (In Russ.)
20. Solovyev V.S. Izbrannye proizvedeniya [Selected works]. Rostov-na-Donu, 1998. (In Russ.)
21. Timenchik R.D. Chto vdruz. Stati o russkoj literature proshlogo veka [What suddenly. Articles about Russian literature of the last century]. Moscow; Jerusalem, 2017. (In Russ.)
22. Chukovsky K.I. Blok as a person and a poet. An introduction to the poetry of Blok. Petrograd, 1924. URL: <http://blok.lit-info.ru/blok/vosp/sovremenniki-2/chukovskij-aleksandr-blok.htm> (In Russ.)

Статья поступила в редакцию 12.04.2021, принята к публикации 10.06.2021
The article was received on 12.04.2021, accepted for publication 10.06.2021

Сведения об авторе / About the author

Алексеева Любовь Федоровна – доктор филологических наук; профессор кафедры русской литературы XX века Историко-филологического института, Московский государственный областной университет, г. Мытищи Московской области

Liubov F. Alekseeva – ScD in Philology (Literature); Professor at the Department of the Russian Literature of the XX century, Institute of History and Philology, Moscow Region State University, Mytishi, Moscow Region

E-mail: office@mgou.ru; kaf-ruskdv@mgou.ru